

С.Н. Корсаков, М.Г. Деборин

БОРЬБА АКАДЕМИКА А.М.ДЕБОРИНА ЗА НАУЧНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ РЕАБИЛИТАЦИЮ: ПОВЕСТЬ В ДОКУМЕНТАХ И СВИДЕТЕЛЬСТВАХ

В 1931 г. в продиктованном Сталиным постановлении ЦК ВКП(б) директор Института философии академик А.М.Деборин был ошельмован как «меньшевиствующий идеалист», весь состав Института был смнен, а А.М.Деборину по личному распоряжению Сталина было запрещено писать по философским вопросам, и ему пришлось работать в Институте истории. Все ученики и соратники академика А.М.Деборина по Институту философии были репрессированы.

Сразу после смерти Сталина А.М.Деборин начал вести трудную борьбу за свою научную и общественную реабилитацию, за отмену постановления 1931 г. Частично это ему удалось, но лишь в небольшой степени. Его ученики были посмертно реабилитированы в уголовном и партийном отношении. О них после ареста нельзя было упоминать. После четверти века замалчивания имена некоторых из них попали в энциклопедии в качестве «советских философов» наряду с такими же «советскими философами», что писали на первых доносы. Но имя учеников А.М.Деборина не было теперь замаранным ложью и клеветой. А.М.Деборин оказался в принципиально иной ситуации. Его не арестовывали и не исключали из партии. Поэтому он не подлежал ни уголовной, ни партийной реабилитации. Он боролся за реабилитацию общественную и научную. Его имя систематически обливали грязью десятки и сотни философских пропагандистов Постановления ЦК «О журнале “Под знаменем марксизма”». Все эти люди сделали на проработках научную и партийную карьеру. Поэтому борьба А.М.Деборина за свое честное имя и за правдивое освещение деятельности уничтоженных Сталиным советских философов-марксистов была неравной борьбой за отмену постановления ЦК.

Предлагаем читателям своего рода «монтаж» из документов и воспоминаний, освещающих основные этапы этой борьбы. Документы сохранились в личном архиве А.М.Деборина и предоставлены его внуком Михаилом Гавриловичем. Воспоминания о событиях тех лет оставили А.М.Некрич¹, работавший референтом у академика А.М.Деборина, и сменивший его в этой должности Е.Г.Плимак².

В отличие от его учеников самого А.М.Деборина долгое время не трогали. По замыслу кровавого «режиссера» ему отводилась одна из главных ролей в готовившемся Сталиным в последние годы жизни антисемитском процессе. Академик А.М.Деборин был снят с должности заведующего сектором новейшей истории Института истории АН СССР. Сотрудники сектора – евреи – как «неправильно подобранные» А.М.Дебориным кадры бы-

¹ См.: *Некрич А.М.* Отрешись от страха. Лондон, 1979. С. 15, 17–18, 19–20, 37, 38, 44, 51, 58, 67–68, 71, 77–78, 103, 106–107, 108, 110–111, 114–115, 178–181.

² См.: *Плимак Е.Г.* На войне и после войны. М., 2005. С. 106–115, 121–123.

ли уволены из Института. Несколько человек, ранее работавших вместе с А.М.Дебориным в Президиуме АН СССР, были арестованы. Их обвиняли в том, что они участвовали в террористической группе, задачей которой было уничтожение руководителей Академии наук. А.М.Деборин же изображался следователями МГБ покровителем этой группы. Параллельно «разрабатывалось» другое дело с теми же участниками: о «еврейской националистической группе», якобы проводившей в Академии шпионскую деятельность, организовывавшей гонения и убийства русских ученых. Грандиозный процесс не состоялся по причине смерти «режиссера». В эти годы ударной силой преследователей философа были не только Митин и компания, но также партийные чиновники из Института истории и профессиональные «борцы с космополитизмом» из Управления кадров АН СССР.

Вспоминает А.М.Некрич:

«Атмосфера в секторе новейшей истории Института истории АН СССР, в котором я был аспирантом до мая 1949 года, была напряженной: коллектив раздирался групповыми интересами и склоками. Его руководитель академик А.М.Деборин был, несомненно, выдающимся ученым, но человеком необычайно мягким, не способным совладать со строптивыми сотрудниками, каждый из которых представлял собою индивидуальность. Кроме того, он был «бит» и не единожды, и это заставляло его проявлять осторожность и инертность там, где требовалось решительное и энергичное действие. А.М.Деборин был в те годы обременен многочисленными академическими обязанностями: зам. председателя редакционно-издательского совета АН СССР, фактический редактор «Вестника Академии наук СССР» и пр. Но «меньшевистствующего идеалиста» с 1931 года не подпускали к той науке, которую он любил и где проявил свой талант.

В МГУ, в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) собирались силы самой черной реакции, готовившие нападение и расправу над своими коллегами и конкурентами, занимавшими ключевые позиции в области истории СССР в московских учебных заведениях и научных учреждениях. Эти силы возглавлялись проректором Московского университета профессором А.Л.Сидоровым. Разумеется, все действия Сидорова и других партийных шовинистов санкционировались ЦК ВКП(б). Кампания против космополитов заставила меня глубоко и серьезно задуматься над тем, что происходит в нашей стране.

Был получен приказ провести общеинститутское собрание по вопросу о космополитизме. Заседание происходило в конце марта 1949 г. в малоприспособленных залах Отделения исторических наук, которые никак не могли вместить всех желающих. При помощи радиотрансляции дело было выправлено. Активнейшим «борцом» на этом собрании был Аркадий Лаврович Сидоров. Речь Сидорова была построена по лучшим «образцам» обвинительных речей прокурора Вышинского.

Несколькими днями позже распространился слух, что Деборин, как и ряд других сотрудников, увольняется из Института. И это действительно произошло. Однако Деборин был скоро восстановлен в Институте, но на этот раз уже не в качестве заведующего сектором, а лишь старшим научным сотрудником.

Положение в секторе новейшей истории изменилось довольно радикально. Руководителем сектора был назначен Федор Васильевич Потемкин, историк Франции первой половины XIX века. Потемкин был очень далек от проблем новейшей истории. Однако он усвоил твердо: сектором до него руководил академик А.М.Деборин, следовательно, в секторе готовилась порочная продукция. Новый руководитель сектора заявил, что у сектора не будет возможности взять аспирантов на работу после окончания срока аспирантуры.

Осенью того же года А.М.Деборин предложил мне работать у него частным образом референтом. С радостью и благодарностью я принял его предложение. Работа моя заключалась в реферировании и составлении кратких обзоров по зарубежной литературе в области современных политических учений. Сотрудничество

у А.М.Деборина было для меня очень полезным, так как значительно расширило мой кругозор. Кроме того, Абрам Моисеевич рассказывал мне много интересного из истории своей жизни. В начале 1950 г. Деборин получил от Президиума Академии наук половину ставки младшего научного сотрудника для своего референта. С 1 марта того же года я был зачислен на эту должность в штат Института истории. Еще спустя год мне была дана полная ставка. Началась самостоятельная научная работа. Я перестал быть референтом Деборина, но тесные дружеские отношения сохранились у нас до его кончины.

Летом 1951 года к нам пришла группа выпускников Академии общественных наук – человек шесть. Надо было подыскивать оканчивавшим Академию – этому “золотому фонду нашей партии” (Г.Маленков) – другое занятие. И оно нашлось – общественные науки. Следует тут же сказать, что введенные в 1947 году новые ставки оплаты научных сотрудников резко улучшили их материальное положение. Поэтому научно-исследовательские институты все чаще начали привлекать внимание тех, кто стремился к не очень обременительной (с их точки зрения), но материально обеспеченной жизни. Одним из них был Борис Николаевич Крылов: жестокий, честолюбивый и ничем не брезгающий ради достижения поставленной цели. Постепенно Крылов сколотил вокруг себя группу, так сказать, “истинных партийцев”, в которую он вовлек и некоторых других сотрудников. Их главная деятельность заключалась в том, что они постоянно “сигнализировали” во все вышестоящие инстанции о “неблагополучии” в секторе и в Институте, создавая тем самым атмосферу подозрительности и недоверия.

Еще более мрачным оказалось начало нового, 1953 года. Было опубликовано сообщение о врачах-отравителях. Руководство Института получило указание составить списки подлежащих увольнению.

Стало известным, что в скором времени Президиум Академии наук заслушает доклад нашей дирекции и что разгромное решение уже подготовлено. Пока в инстанциях уточнялся вопрос “кого куда” и готовилось постановление Президиума Академии наук, которое должно было придать видимость законности всему делу, произошло событие, которое круто изменило всю ситуацию. 5 марта 1953 года умер Сталин.

Не так-то просто застопорить машину, работающую на полную мощность. Давно готовившееся постановление Президиума Академии наук вынырнуло на свет божий спустя всего две недели после смерти вождя. И появилось в том самом виде, в котором готовилось в последние недели его жизни».

В марте 1953 г. А.М.Деборина исключили из членов ученого совета Института истории. 20 марта 1953 г. на специальном заседании Президиума АН СССР должна была обсуждаться его «враждебная деятельность». Зам. начальника Управления кадров АН СССР В.А.Виноградовым была подготовлена тенденциозная справка об А.М.Деборине, которая легла в основу проекта постановления Президиума АН СССР:

Справка зам. начальника Управления кадров АН СССР.

«А.М.Деборин с 1943 г. в Институте истории АН СССР зав. сектором, но за неудовлетворительное руководство научно-исследовательской работой сектора и неправильный подбор кадров в июне 1949 г. отстранен от этой должности и переведен в старшие научные сотрудники. Дирекция Института истории характеризует работу Деборина резко отрицательно. Многие работы Деборина содержат грубые политические ошибки меньшевиствующе-идеалистического толка. Подвергался критике как редактор I тома “Трудов” по новой и новейшей истории за содержащиеся в “Трудах” ошибки буржуазно-объективистского характера. До настоящего времени не выступил с критическим разбором своих ошибок в прошлом. За последние десять лет опубликовал восемь журнальных статей и три газетных и ни одной крупной работы».

20 марта 1953 г. состоялось заседание Президиума АН СССР, посвященное разбору персонального дела А.М.Деборина. Директор Института истории АН СССР А.Л.Сидоров озвучил подготовленный проект постановления:

«В Институте истории имеется засоренность кадров. В Институте работает ряд лиц, привлекавшихся в прошлом к судебной ответственности за антисоветскую деятельность, примыкавших ранее к враждебным партиям и группам. К сожалению, я должен указать и имя тов. Деборина, длительное время ведшего пропаганду меньшевистствующего идеализма, который в своей научной продукции, опубликованной в последнее время, не показал, что он решительным образом преодолел старые недостатки».

А.М.Деборин выступил с резким протестом против подготовленного проекта постановления Президиума АН.

Выступление А.М.Деборина на заседании Президиума АН СССР 20 марта 1953 г.

«На странице шестой проекта постановления сказано: “В Институте работает ряд лиц, привлекавшихся в прошлом к судебной ответственности за антисоветскую деятельность, принадлежавших ранее к враждебным партиям и группам”. Деборин в их числе! Выходит, что академик Деборин привлекался в прошлом к судебной ответственности за антисоветскую деятельность – по крайней мере, так построен этот абзац.

Я спрашиваю: откуда взяты такие сведения? Уже неоднократно аппарат Президиума ошибался, и в данном случае мне это совсем непонятно. Ведь это же прямо меня потрясло. Откуда взяты такие вещи?

Далее. Да, верно, я был меньшевиком. Но ЦК принял меня в члены партии без прохождения кандидатского стажа специальным постановлением. Значит, знали в ЦК, что я был меньшевиком.

Далее – меньшевистствующий идеализм. Неправильно говорили здесь тов. Сидоров и другие, что я не написал ничего, где бы я не раскрыл свои ошибки. Нет, после этого я написал книжку “Маркс и современность”, которая была выпущена со специальной санкции ЦК. После этого я написал другую работу о проблеме познания у Ленина и ряд других работ. Из последних моих работ, которые неизвестны, потому что не читают, а только ведутся разговоры чисто абстрактные – “Деборин, давай его критиковать!”, и в последнее время я напечатал ряд работ, не говоря уже о крупных работах, которые я подготовил к печати, как “Идеология германского империализма” в 1946 г.

Можно принять те или иные решения в отношении Деборина, но факты не должны быть фальсифицированы.

Кроме того. После того, как я сделал крупнейшие ошибки в области философии по части меньшевистствующего идеализма, я был избран членом Президиума АН и академиком-секретарем сначала целых трех Отделений, потом одного Отделения, в какой должности я пробыл с 1934 по 1942 г. И теперь на 25-м году пребывания моего в составе Академии, извольте видеть, мне преподносят подарочек: Вы такой, сякой и т. д., и т. д. Меня десятки лет знают академики и члены Президиума, сидящие за этим столом. Откуда же вдруг всплыли такие факты? Очевидно, здесь был другой умысел».

А.М.Деборин прозрачно намекал на соответствующие сценарные «заготовки» органов МГБ, по которым недавно уже был арестован его коллега по сектору академик И.И.Майский и Б.Е.Штейн.

После речи А.М. Деборина в наступление перешли Б.Н.Крылов и А.Л.Сидоров. Они обвиняли старого академика в том, что он всегда и везде вел себя как ученый, а не как интриган, который на проработках и страданиях других строит свою карьеру.

Выступление ст. н. с. Института истории Б.Н.Крылова на заседании Президиума АН СССР 20 марта 1953 г.

«Слабая борьба против буржуазных взглядов в исторической науке – центральный недостаток сектора новейшей истории Института истории. У нас в Институте иногда складывается такое мнение, что в области исторической науки, особенно новейшего периода, можно очень много спорить, как в области чистой науки, что может быть расхождение мнений по тому или иному вопросу, по тем или иным исто-

рическим фактам и событиям, что автор может согласиться, а может и не согласиться с той или иной точкой зрения оппонента. И в итоге имеют место выпуски работ, где остаются подвергшиеся суровой критике недостатки. Чем объяснить иначе, что в секторе новейшей истории вышла работа Штейна, были рекомендованы к печати работы Майского, Некрича. Объясняется это тем, что спор вокруг этих работ, критика недостатков шли на недостаточном политическом уровне. А некоторые наши старые ученые, надо сказать, к сожалению, смотрели на эту борьбу как на борьбу мнений в области чистой науки.

Вот, мне думается, один из пороков нашей деятельности состоит в том, что не поднимаем борьбы на научном фронте до уровня политической и идеологической борьбы. Иной раз не замечаем, что за этой борьбой мнений стоит серьезная идеологическая борьба, отражающая классовую борьбу на международной арене сегодня. И пока не переломим общественного мнения Института, что нужно научные споры рассматривать с точки зрения идеологической борьбы, пока не убедим общественного мнения, что всякое распространение буржуазных, антимарксистских взглядов есть враждебная деятельность скрытого характера. В сегодняшнем докладе этот вопрос был недостаточно подчеркнут. Майский оказался врагом, но наши выступления против его враждебных взглядов не поддерживались ни дирекцией, ни партбюро.

В этой связи я хотел сказать в адрес тов. Деборина. Я не читал Ваших ранних работ, но хочу говорить о Вашей практической деятельности в партийной организации сектора новейшей истории, в нашем коллективе. Где Вы были, когда спорили с Майским, с Некричем, где выступали против Турок-Попова, где Вы были, когда шел спор вокруг работ Штейна? Во всех этих спорах вскрывались серьезные политические ошибки; это серьезная форма идеологической борьбы. Занимали ли Вы правильную позицию, которая помогала бы нашим молодым коммунистам, молодым научным работникам разобраться в остроте этой политической борьбы? Вы были в нетях. И поэтому, несмотря на публикацию той или иной работы, Вы несете как коммунист и старый ученый прямую ответственность за то, что творилось в секторе. Мне думается, пора сказать это именно с этой высокой трибуны. Не может быть безответственных людей в нашей научной практике, а Вы все-таки остались таковым, тов. Деборин!».

Выступление А.Л.Сидорова на заседании Президиума АН СССР 20 марта 1953 г.

«Я должен ответить А.М.Деборину, я должен извиниться, что есть редакционная неточность, которая искажает смысл. Но ведь Ваши меньшевистские идеалистические взгляды причинили огромный вред не только у нас внутри страны, но и в международном рабочем движении. Об этом каждый прочтет, открыв книжку Мао Цзэ-дуна. Вы должны об этом помнить, Вы забывать об этом не должны. Ваше положение в Институте, в секторе должно быть совершенно другим. Вы должны быть воинствующим ленинцем и сталинцем в борьбе за линию партии. Почему бы Вам не найти общего языка с теми кадрами, которые взяли правильный политический курс в работе сектора, которые борются за подъем идеологической работы в секторе, а Вы становитесь к ним в оппозицию. А Вы рисуете теперь картину, что Вы всем недовольны, что против Вас ведется какая-то кампания. Вы обязаны, прежде всего, изменить Ваше отношение к тем задачам, которые стоят перед Институтом».

А.М.Деборин выслушал ожесточенные нападки и отверг все обвинения. Он заявил следующее: «Я действительно в качестве члена сектора не принимал или принимал мало участия в работе сектора. Почему? Сектор не признает меня своим членом; никаких работ, которые подлежат обсуждению, мне не посылают. Я предлагал взять на себя разоблачение идеологии империализма в тех трех томах, которые посвящены новейшей истории – это было отвергнуто³. Обратились в Институт философии. Представленная мной работа была отвергнута. Я обращался к руководителям сектора с предложением сделать на секторе несколько докладов по вопросам иде-

³ Имеется в виду план-проспект многотомной «Всемирной истории», подготовленный в 1953 г. в Институте истории.

ологии. Это было отвергнуто. Об этом я своевременно сообщал дирекции. Значит, нежелательно мое участие, не принимают моих работ. Так о чем же говорить? Зачем же выступать и жаловаться, что Деборин не принимает участия».

В итоге никакого решения не было принято. Особенность ситуации состояла в том, что заседание происходило в обстановке всеобщей неопределенности: уже после смерти Сталина, но еще до опубликования правительственного сообщения о реабилитации «врачей-вредителей» от 4 апреля 1953 г., в корне изменившего общественную атмосферу. Поэтому заседание, задуманное как первый акт расправы над старым академиком-марксистом, стало первым актом его долгой и трудной борьбы за научную и общественную реабилитацию.

Смерть Сталина открыла перед А.М.Дебориным возможность апеллировать в ЦК КПСС. Он написал возмущенное письмо зав. Отделом науки ЦК КПСС А.М.Румянцеву.

А.М.Деборин – А.М.Румянцеву. 2 апреля 1953 г.

«Зав. Отделом исторических и экономических наук ЦК КПСС

т. Румянцеву А.М.

Глубокоуважаемый Алексей Матвеевич!

Инцидент, имевший место на заседании Президиума Академии наук 20 марта так меня потряс, что я решил обратиться к Вам с настоящим заявлением в надежде, что Вы не оставите его без должного внимания.

В проекте Постановления Президиума АН о научной деятельности и состоянии кадров Института истории совершенно голословно утверждалось, что я, якобы, привлекался к судебной ответственности за антисоветскую деятельность.

Нет надобности доказывать, что я никогда не занимался антисоветской деятельностью и, следовательно, никогда не привлекался к судебной или иной ответственности. Подобное обвинение представляет собой сознательный подлог, вопиющую клевету, неслыханное надругательство над членом партии. Этот поход против меня имеет своей целью политически меня скомпрометировать, чтобы лишить меня возможности работать.

Не присутствуй я на Президиуме 20 марта, поднятая против меня ужасающая клевета была бы закреплена в ответственном документе АН. Как бы то ни было, меня опозорили, и так как от всякой клеветы что-нибудь да остается, то клеветники своей цели достигли. Казалось бы, за ложную информацию, при которой на карту поставлены доброе имя советского гражданина, политическая честь человека, следовало привлекать виновных к суровой ответственности. К сожалению, такие проступки остаются безнаказанными.

Неудовлетворительную работу Института истории в 1951–1952 гг. хотят оправдать ошибками Деборина, насчитывающими давность в четверть века, а то и в три с половиной десятка лет... Засоренность Института демонстрируется на примере Деборина.

Я работаю в Академии наук около 25 лет в качестве действительного члена, и на протяжении этого времени я занимал ряд ответственных руководящих постов. Я был членом Президиума АН и академиком-секретарем сначала Отделения общественных наук, куда входили все гуманитарные Институты, а позже – Отделения истории и философии, проработав на этих постах два срока – восемь лет. Я состоял ответственным редактором журнала «Вестник Академии наук СССР» в течение десяти лет, из них все военные годы. Журнал под моим руководством стал ярко выраженным патристическим органом. За эту мою работу я удостоился особой благодарности Президиума АН.

За последние годы я написал большую работу на очень актуальную тему. Работа эта посвящена политическим доктринам нового и новейшего времени и состоит из трех томов, общим объемом в сто десять печатных листов. Злостная клевета и ложь о том, что я, будто, не выполняю плана, сопровождаются фактами, но они нужны были для того, чтобы оправдать исключение меня из ученого совета Института и ряд других репрессивных мер.

В моей большой монографии, как и во всякой другой работе, имеются, разумеется, недостатки. Но надо принять во внимание, что это первая попытка дать в широком историческом плане критический обзор основных политических учений и показать, как надо всеми ими высоко поднимается социально-политическая философия наших гениальных учителей.

2.04.1953 г.

А.Деборин».

Вслед за тем А.М.Деборин обратился с письмом непосредственно к новому руководителю партии. Это первое письмо А.М.Деборина Н.С.Хрущеву по вопросу его научной и общественной реабилитации.

А.М.Деборин – Н.С.Хрущеву. 9 апреля 1953 г.

«Заявление

Пользуясь предоставленным членам партии правом обращаться с любым вопросом и заявлением в ЦК Коммунистической партии, я решил обратиться к Вам с настоящим заявлением по наболевшему и волнующему меня вопросу.

Я состою действительным членом АН СССР без малого четверть века. За время моего пребывания в АН я занимал ряд руководящих должностей. В должности члена Президиума АН я проработал два академических срока – восемь лет. В течение этого времени я состоял академиком-секретарем сначала Отделения общественных наук, в состав которого входили все гуманитарные институты, а затем, после разукрупнения этого Отделения, академиком-секретарем Отделения истории и философии. На протяжении двадцати лет я состоял членом Редакционно-издательского совета АН, выполняя в нем руководящие функции. В течение десяти лет я редактировал общенаучно-академический журнал “Вестник Академии наук СССР”. Журнал под моим руководством стал – особенно в годы Великой Отечественной войны – ярко выраженным патриотическим органом печати. За эту мою работу в качестве редактора журнала я удостоился особой благодарности Президиума АН.

В настоящее время я состою старшим научным сотрудником Института истории АН. В проекте постановления Президиума о научной деятельности и состоянии кадров Института совершенно голословно утверждалось, будто я привлекался к судебной ответственности за антисоветскую деятельность. Нет надобности доказывать, что я никогда не занимался антисоветской деятельностью и, следовательно, не привлекался к судебной или иной ответственности. Эта ложь и возмутительная клевета понадобилась определенной группе работников академического аппарата для того, чтобы меня скомпрометировать политически и тем самым лишить возможности работать на благо моей Родины. Выдвинутое против меня обвинение представляет собой сознательный подлог, вопиющую клевету, надругательство над честным и преданным всей душой и всеми помыслами священным идеалам нашей Великой партии советским гражданином. Не присутствуя я на заседании Президиума АН 20 марта, эта ужасная клевета была бы закреплена в ответственном документе АН. Хотя клевета эта в окончательном тексте постановления и была снята, тем не менее меня опозорили и, т. к. от всякой клеветы, как говорит пословица, что-нибудь да остается, то цель, которую преследовали клеветники, ими была достигнута.

Казалось бы, за ложную информацию и клевету, которые позорят доброе имя и политическую честь советского гражданина и к тому же члена партии, следует привлекать к суровой ответственности, однако, в Академии такие проступки остаются безнаказанными.

Эта клевета является одним из звеньев той кампании, которая ведется против меня в течение последних трех лет и которая привела к исключению меня из ряда учреждений, в которых я работал ряд лет.

Для иллюстрации унижительного положения, в которое я поставлен, я позволю себе следующий факт. Академик Б.Д.Греков в течение ряда лет был моим заместителем по руководству Отделением истории и философии. Когда в 1952 г. он праздновал свое семидесятилетие, то под адресом, поднесенным ему от имени Отделения, членом которого я состою, мне не дали поставить мою подпись.

В постановлении Президиума я фигурирую в числе сотрудников Института истории, которые, как там сказано, “в течение последних десяти лет не дали серьезных научных работ, а подготовленные ими некоторые рукописи при проверке оказались недоброкачественными и порочными”. Это утверждение в отношении меня является ложным. Во-первых, ни одна моя рукопись не была признана “недоброкачественной и порочной”. Во-вторых, неверно, будто я не дал серьезных научных работ. Не далее как в начале января текущего года я представил в Институт истории большую монографию в трех томах, общим объемом в сто десять печ. листов.

Но этот факт упорно замалчивается, дабы иметь возможность твердить о том, что я не выполнил плана и не дал работ. Я против этого замалчивания неоднократно протестовал. В начале января текущего года бывший зам. директора Института истории тов. Утченко письмом на имя Президента подтвердил факт сдачи мною рукописи. Но наши протесты ни к чему не привели.

Кроме этой большой работы, я в 1945–1946 гг. написал книгу на тему “Идеология германского империализма”, объемом в 25 печ. листов. Книга была набрана и даже сверстана, но в последний момент с производства по распоряжению неизвестных мне лиц снята. Книга никогда и никем не была признана “недоброкачественной и порочной”. “Секрет” снятия книги с производства мне до сих пор не известен.

Наряду с указанными работами мною напечатан ряд журнальных статей. Среди них: “Пангерманизм и гитлеризм”, “Ньютон в истории культуры”, “Франсуа-Мари Вольтер”, “Страх – основа идеологии империализма” и др.

Следовательно, решение Президиума и в этой части не соответствует действительности.

Кампания лжи, подтасовки фактов, злостной клеветы преследует определенную цель: сделать невозможным мое посильное участие в строительстве коммунизма, в работе на благо нашего народа. Ближайшая цель – это изгнание меня из последнего места моей работы – из Института истории. В этих целях меня исключили из состава Ученого совета Института, подготавливая условия для исключения меня из состава научных сотрудников Института.

На основании изложенного я обращаюсь к Вам, дорогой Никита Сергеевич, с просьбой: 1) о пересмотре постановления Президиума АН от 20 марта с. г. в части, касающейся меня, как не соответствующего объективным фактам; 2) о привлечении к ответственности работников академического аппарата, допустивших против меня злостную клевету, порочащую мою политическую честь.

Единственное мое желание – иметь возможность принести нашему народу ту долю пользы, на которую я способен.

9 апреля 1953 г.

А.Деборин».

На письмо А.М.Деборина была наложена стандартная резолюция.

Резолюция Г.М.Маленкова

«Считаю, что следует поручить тт. Суслову М.А., Поспелову П.Н. рассмотреть заявление т. Деборина и доложить свои предложения.

Г.Маленков».

Тем временем вопрос о Деборине был вынесен на общее собрание сотрудников Института истории АН СССР.

Вспоминает А.М.Некрич:

«Постановление Президиума Академии наук обсуждалось на общем собрании сотрудников Института 13 апреля 1953 года, т. е. спустя 10 дней после известного коммюнике, что дело врачей-отравителей было провокацией “бывшего руководства министерства государственной безопасности”. Естественно поэтому, что значение постановления в смысле непосредственной угрозы увольнения упомянутых в негативном плане сотрудников уменьшилось. Драматическим моментом во время заседания было выступление старика Деборина. Никогда до тех пор и никогда позднее я не слышал такого раскованного и резко выступления Абрама Моисеевича. Он, казалось, преобразился. Деборин стоял на трибуне взволнованный, нет, скорее гневный,

и отметал одно за другим все предъявленные ему обвинения. “Все это ложь!”, – воскликнул он с возмущением и, сойдя с трибуны, пошатываясь, прошел вдоль стены зала к выходу. Я боялся, что у него лопнет сердце или случится удар, но, по счастью, ни того, ни другого не произошло. Многие упомянутые в постановлении коллеги протестовали в Президиуме Академии, где была создана специальная комиссия по апелляциям. Ведь тоже знамение времени! В сталинские времена, еще месяц-другой назад, никакой комиссии бы не было».

Однако первая попытка А.М.Деборина восстановить свое доброе имя была отбита партийными чиновниками, не отступившими ни на шаг от сталинского постановления ЦК о «меньшевистствующем идеализме» 1931 г.

Отдел науки ЦК КПСС – Н.С.Хрущеву. 8 мая 1953 г.

«Акад. Деборин А.М. прислал в ЦК КПСС письмо, в котором он просит дать указание Президиуму АН СССР пересмотреть пункт постановления Президиума от 20 марта с.г., относящийся к оценке его научной работы, и привлечь к ответственности работников аппарата Президиума АН якобы за злостную клевету, позорящую его “доброе имя и политическую честь”.

А. Деборин пишет о своей плодотворной научной деятельности за последние годы и считает, что упоминание его фамилии в постановлении Президиума АН в числе работников, не дающих в течение многих лет доброкачественных научных работ, является одним из звеньев клеветнической кампании, ведущейся против него в течение последних лет.

Проведенная Отделом науки ЦК КПСС проверка фактов, изложенных в указанном письме, показала необоснованность требований Деборина об отмене пункта постановления Президиума АН, касающегося оценки его научной работы, а также наказания работников аппарата Президиума якобы за клевету.

Оценка научной деятельности акад. Деборина, данная в постановлении Президиума АН, соответствует действительности. Общеизвестно, что Деборин являлся одним из главных проповедников меньшевистствующего идеализма. Меньшевистские “теории” Деборина нанесли вред не только Коммунистической партии Советского Союза, но и зарубежным компартиям. Об этом, в частности, пишет тов. Мао Цзэ-дун: “Идеализм Деборина оказал крайне вредное влияние на некоторых членов Коммунистической партии Китая, и следует сказать, что догматические взгляды в нашей партии связаны с методологией этой школы” (Избр. соч. Т. 2. С. 409).

Акад. Деборин утверждает, что своей плодотворной организационно-научной и исследовательской работой он искупил свою вину перед партией. Однако это утверждение противоречит фактам. В течение шести лет (1943–1949 гг.) он возглавлял сектор новейшей истории Института истории. Но вследствие слабого руководства сектором и неправильного подбора кадров сектор все эти годы работал совершенно неудовлетворительно. Деборин был освобожден от руководства сектором как не справившийся со своими обязанностями. Он не справился также с работой зам. председателя Редакционно-издательского совета АН СССР (1937–1950 гг.). В деятельности Совета за эти годы (Деборин являлся его фактическим руководителем) наблюдались серьезные ошибки и крупные провалы. Не оправдал себя Деборин и как научный работник. За последние годы он опубликовал несколько легковесных журнальных статей; некоторые из них содержат серьезные недостатки. Например, в статье “Поход поджигателей войны против национального суверенитета” (Вопросы философии. 1951. № 6) ни слова не говорится о противоречиях между капиталистическими державами. Подготовленная Дебориным книга “Идеология германского империализма”, набранная уже в типографии в 1948 г., была снята с производства по предложению дирекции Института истории, а набор книги рассыпали ввиду ее недоброкачественности.

В 1952 г. А. Деборин представил в дирекцию Института истории рукопись “Политические доктрины нового и новейшего времени” (около 100 печ. л.). Рассмотрение этой рукописи с привлечением группы специалистов из Института философии АН СССР показало, что она содержит в себе серьезные ошибки и недостатки.

А.Деборин в своей рукописи пересказывает работы многих буржуазных социологов без обоснованной их критики и разоблачения, он часто скатывается на позиции буржуазного объективизма. В работе Деборина имеется ряд неправильных утверждений, множество неряшливых формулировок и т. д. Например, он утверждает, что взгляды Локка, Спинозы и французских просветителей XVIII в. Монтескье и Руссо, являющихся, как известно, идеалистами в объяснении общественных явлений, “вошли в преобразованном виде в политические воззрения марксизма-ленинизма”.

Автор отрывает теорию от практики в деятельности партии, отрывает марксизм от философии диалектического материализма, дает свое неверное определение ленинизма: “Ленинизм, – пишет Деборин, – есть продолжение марксизма, т. е. применение марксистских принципов к условиям новой эпохи”.

По общему мнению специалистов работа А.Деборина не является научным исследованием, а лишь наспех собранным сырым, необработанным материалом. В настоящее время она совершенно непригодна к печати.

Акад. Деборин вызывался для беседы в Отдел наук ЦК КПСС. Считаю возможным закончить на этом рассмотрение его письма.

А.Румянцев

А.Лихолат».

8.5.1953 г.

Партийные чиновники считали так, но не А.М.Деборин. Через год он направил свое второе письмо в Президиум ЦК КПСС.

А.М.Деборин – Президиуму ЦК КПСС. 14 октября 1954 г.

«Я считаю своим партийным и гражданским долгом поставить ЦК КПСС в известность относительно того тяжелого положения, в котором я нахожусь в течение ряда лет. Я подвергнут самому тяжелому наказанию – общественному ostrакизму.

Я фактически отрезан от советской общественности: меня вывели из всех учреждений, в которых работал много лет и которым принес немало пользы. Из Ученых советов Институты я исключен, даже из Института истории, научным сотрудником которого я состою. Мои работы (не считая мелких, которые время от времени с большим трудом удается поместить) не печатаются не потому, что они были ошибочны, а лишь потому, что я являюсь их автором. На каждом шагу мне приходится убеждаться в том, что я ограничен в правах советского гражданина, хотя я никакого преступления не совершил. Если у меня и были те или иные ошибки теоретического характера (у кого их не было?) четверть века тому назад, но эти ошибки во всяком случае не были более тяжелыми, чем ошибки многих и многих товарищей, занимающих ответственные посты и награжденных орденами за выслугу лет и безупречную работу.

Ввиду сложившихся обстоятельств я считаю необходимым сказать о себе несколько слов, чтобы хоть отчасти устранить те превратные представления, которые под влиянием клеветы бродят в некоторых умах.

Я вступил в революционное и рабочее движение еще в конце прошлого столетия. Начиная с 1898 г. я вел социал-демократическую пропаганду в различных городах России, за что в 1901 г. был выслан в административном порядке. В 1902 г. я был арестован в г. Ковно и отдан под надзор полиции. В 1903 г. вынужден был выехать за границу. В 1906 г. начинается моя научно-литературная деятельность. В 1907–1908 гг. я написал большой труд под названием “Введение в философию диалектического материализма”.

Я горжусь тем, что Ленин в 1909 г. счел возможным остановить свое внимание на моей юношеской работе “Диалектический материализм” и конспектировать ее⁴. Ленин совершенно правильно критикует меня за тяжеловесный язык и неудачную философскую терминологию. Но никакого отступления от марксизма или материализма он у меня не нашел. Напротив того, по основным вопросам он находит мою позицию правильной.

⁴ Имеется в виду известный конспект Ленина из «Философских тетрадей».

В 1931 г. мои взгляды были квалифицированы как “меньшевиствующий идеализм”, и все мои многочисленные работы были, без всякого разбора, изъяты из обращения. Несмотря на признание мною ошибок, я был лишен права преподавания, меня перестали печатать. Это фактически продолжается до настоящего времени, т. е. двадцать три года. Какие только перевороты не произошли за это время!

В январе 1953 г. я сдал в Институт истории обширную монографию в трех томах под названием “Социально-политические доктрины нового и новейшего времени”. Труд мой не был даже зарегистрирован в качестве выполненной по плану работы. Но это не помешало руководству Академии наук и Институту истории замолчать факт представления работы и подвергнуть меня острой критике... за непредставление работ.

С первого дня моего вступления на общественную арену и до сегодняшнего дня у меня было лишь одно стремление – пропагандировать и популяризировать учение марксизма в области теории и отдать свои силы борьбе за победу коммунизма, в чем я видел смысл своей жизни. Беспристрастное изучение моих работ свидетельствует об этих моих целях.

Вышедшие при жизни Владимира Ильича мои работы ему были хорошо известны. По его указанию в 1921 г. было переиздано мое “Введение в философию диалектического материализма”, которое также было изъято из обращения в 1931 г.

Мною было напечатано также много работ по вопросам материалистической диалектики, ее защите от возможных извращений. Я – первый в советской литературе выступил с пропагандой ленинского учения о так называемом кризисе физики. Этому вопросу был посвящен мой первый доклад в АН (причем это был в стенах АН вообще первый марксистский теоретический доклад), а также доклад на Второй Все-союзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений в апреле 1929 г. на тему “Современные проблемы философии марксизма”. Доклад был в основном посвящен вопросам естествознания в свете материалистической диалектики. Мне нечего стыдиться всех этих работ.

Новая глава в моей работе начинается с появления на исторической арене фашизма. В марте 1933 г. я выступил в Коммунистической академии с разоблачением разбойничьей идеологии фашизма. В предвоенное время я опубликовал в газетах и журналах ряд статей, в которых клеймил фашизм.

На протяжении четверти века я состою членом АН СССР. Я принимал активное участие во всей работе АН, вложив немало труда в дело преобразования старой Академии в советскую. За время моей деятельности я не подвергался никаким партийным взысканиям. Я проработал членом Президиума Коммунистической академии в течение ряда лет, членом Президиума АН СССР я состоял в течение восьми лет, возглавляя Отделение общественных наук.

Меня обесславили идеалистом и гегельянцем. Ирония судьбы! Следуя за Марксом, Энгельсом и Лениным, именно я подверг идеализм и гегельянство наиболее острой критике. Никто никогда не подвергал мои работы научной критике, ограничиваясь огульным обвинением всего того, что написано мною, идеалистическим. По-видимому, на этом основании запрещена даже моя “История материализма XVII–XVIII вв.”.

Обстановка в последние годы сложилась для меня крайне тяжелая. 20 марта 1953 г. на заседании Президиума АН был роздан проект постановления, в котором я был оклеветан как человек, якобы привлекавшийся к судебной ответственности за антисоветскую деятельность. В проекте постановления было также сказано, что я не дал работ. И это в то время, когда я сдал три тома монографии, и в то время, когда меня не печатают сознательно и преднамеренно.

9 апреля 1953 г. я обратился с жалобой к Первому секретарю ЦК КПСС т. Н.С.Хрущеву. Но, судя по всему, мое заявление не дошло до т. Хрущева.

Примерно через месяц после подачи заявления я был вызван в ЦК, где был принят тт. Хрустовым⁵ и Лихолатом. Мне было заявлено, что к моему заявлению отнеслись с вниманием, что были проверены факты клеветы и что представленная мною работа была прорецензирована несколькими товарищами, от которых поступили якобы неблагоприятные отзывы.

⁵ *Хрустов Федор Дмитриевич* (1906–1994), полковник, кандидат философских наук, первый зам. зав. Отделом науки ЦК КПСС.

По вопросу о клевете т. Хрустов “признал”, что это де была “ошибка” машинистки, иначе говоря, он взял под защиту клеветников.

На мои настоятельные просьбы дать мне для ознакомления полученные на мою работу рецензии, мне даны были обещания, но никаких рецензий я не получил до сего дня... за отсутствием таковых. Только недавно я узнал от директора Института истории тов. А.Л.Сидорова, что рукопись никому на рецензию послана не была, что она лежит по сей день (год и десять месяцев!) без движения. Следовательно, мне была дана ложная информация, и вся беседа носила лицемерный характер. Такое обращение я считаю издевательством над человеком и членом партии, тем более недопустимым, что тов. Хрустов действовал не от своего имени (я к нему не обращался), а от имени самого высокого партийного учреждения.

Я подвергаюсь бойкоту со всех сторон. Каждый старается ущемить, унижить, оскорбить меня. Любопытный факт! Редакция “Большой советской энциклопедии” (второе издание) вычеркнула меня из списка лиц, отмечаемых в энциклопедии. Это тем более “странно”, что я фигурировал во всех прежних справочниках и что я фигурирую издавна во многих иностранных справочниках. Следует иметь в виду, что в “Большой советской энциклопедии” “увековечиваются” имена провокаторов (например, Азефа), иностранных разведчиков (английского разведчика Лоуренса), идеалистов и мистиков (например, Лосского – эмигранта и врага Советского Союза). Таких примеров можно привести много. Но для советского ученого, имеющего множество научных работ, переведенных на многие иностранные языки, члена партии, академика – в Советской энциклопедии места не нашлось⁶.

К величайшему моему сожалению, настоящее заявление содержит в себе некий оттенок самовосхваления. Но это неизбежно, когда речь идет о необходимости самозащиты. Все мои утверждения могут быть при желании проверены.

Мною подготовлены к печати два тома моего труда “Социально-политические доктрины Нового времени”. Основная идея этого труда сводится к истории приготовления, возникновения и формирования научного социализма. Автор стремился показать, что марксизм представляет собой необходимый результат всего предшествующего хода исторического развития.

Ввиду моего преклонного возраста и плохого здоровья у меня нет надежды, что мне удастся опубликовать работу при жизни или вообще издать ее без помощи ЦК.

Итак, после полувековой литературно-научной деятельности и четвертивековой беспорочной работы в Академии наук СССР я фактически отрезан, изолирован от советской научной и всякой другой общественности, являясь объектом бойкота.

И если я все еще работоспособен и не пал окончательно духом, то это объясняется тем, что меня поддерживает горячая любовь и преданность моей социалистической Родине, несокрушимая вера в истинность марксизма-ленинизма, которому я предан с юношеских лет, вера в неминуемое торжество коммунизма во всем мире, вера в высокую мудрость партии, к которой я имею счастье принадлежать.

А.Деборин».

А.Румянцеву и А.Лихолату, которые были уверены, что рассмотрение вопроса о Деборине закончено, пришлось писать новую докладную записку в ЦК с оправданием занятой Отделом науки негативной позиции в отношении академика, повторяя в очередной раз ложь из старой «заготовки» Управления кадров АН СССР.

Отдел науки ЦК КПСС – секретарю ЦК КПСС П.Н.Поспелову. 30 декабря 1954 г.

«В своем повторном письме в ЦК КПСС ак. Деборин А.М. жалуется на то, что он якобы ограничен в правах советского гражданина и “подвергнут общественному ostrакизму”, что не печатают его работ и не признают его заслуг в развитии марк-

⁶ Символично, что биография А.М.Деборина была включена в 51-й, дополнительный том второго издания БСЭ, выпущенный в 1958 г., главным образом, чтобы поместить справки о репрессированных и реабилитированных военачальниках, министрах, ученых, артистах и т. д.

систско-ленинской теории. При этом т. Деборин пытается умалить и даже совсем отрицать допускаяшиеся им ошибки, которые квалифицировались в известном постановлении ЦК ВКП(б) от 25.01.1931 г. “О журнале ‘Под знаменем марксизма’” как проявление меньшевистствующего идеализма.

Ак. Деборин, требуя, по существу, пересмотра этого решения ЦК партии, отрицает тот большой вред, который нанес меньшевистствующий идеализм не только идеологической работе нашей партии, но и зарубежным компартиям. Об этом, в частности, писал т. Мао Цзэ-дун. Постановка этого вопроса т. Дебориным тем более странна, что до сих пор он никогда не отрицал своей вины перед партией и правильной оценки его ошибок.

Не имея никакой скромности, т. Деборин пишет о том, будто В.И.Ленин изучал и конспектировал его юношеские работы и что после Маркса, Энгельса и Ленина якобы только он, Деборин, “подверг идеализм и гегельянство наиболее острой критике”. Ак. Деборин утверждает, что якобы он первый в советской литературе выступил с пропагандой ленинского учения о кризисе физики, раньше всех выступил с разоблачением разбойничьей идеологии фашизма и т. д. Необъективно, в духе беззастенчивого самовосхваления, изображает т. Деборин и свою деятельность в Академии наук СССР. Он считает себя одним из главных преобразователей “старой Академии в советскую”, крупнейшим ее деятелем, несправедливо лишенным руководящих постов.

Однако факты говорят не в пользу ак. Деборина. Он не справился ни с руководством Отделения общественных наук, которое возглавлял с 1935 по 1942 год, ни с руководством сектором новейшей истории Института истории АН СССР (1943–1949 г.). За неудовлетворительное руководство работой сектора и неправильный подбор кадров т. Деборин в июне 1949 г. решением Президиума АН СССР был освобожден от этой должности и переведен в ст. н. с. Тов. Деборин не справился также с работой по редактированию журнала “Вестник Академии наук СССР” и по руководству деятельностью Редакционно-издательского совета (РИСО) Академии. В деятельности РИСО наблюдались серьезные ошибки и провалы, в результате чего т. Деборин в 1950 г. был освобожден от этой последней руководящей должности в Академии.

В начале 1953 г. т. Деборин представил в дирекцию Института истории АН СССР рукопись своей книги “Политические доктрины нового и новейшего времени” (около 100 авт. листов), являющуюся результатом его многолетней работы. Рецензирование этой рукописи группой научных сотрудников Института философии показало, что она содержит серьезные ошибки и недостатки.

Во время беседы с т. Дебориным в Отделе науки ЦК КПСС в мае 1953 г., в которой участвовал также зам. директора Института истории АН СССР т. Филиппов, т. Деборин согласился с предложением о необходимости серьезной доработки указанной рукописи и обсуждения ее после этого в секторе или на ученом совете Института истории.

В ноябре с. г. ак. Деборин представил в Институт истории новый вариант своего труда, существенно переработанный. Он называется теперь “Социально-политические доктрины Нового времени” и в отличие от первого варианта, где изложение доводилось до **XX века, охватывает лишь период до возникновения марксизма**. Работа еще не обсуждалась в Институте истории, но как показывает предварительное ознакомление с ней, она по-прежнему не отвечает требованиям, которые необходимо предъявить к столь ответственной теме.

Жалоба Деборина на неправильное к нему отношение со стороны научной общестственности и на то, что он якобы ограничен в правах советского гражданина, является необоснованной.

Считали бы целесообразным пригласить т. Деборина в Отдел науки ЦК КПСС для беседы по существу вопросов, поставленных им в письме в ЦК КПСС.

А.Румянцев
А.Лихолат».

30.12.1954 г.

В 1955 г. в связи с юбилеем Академии наук были составлены списки на получение правительственных наград. А.М.Деборин был включен в список от Института истории и представлялся к награждению орденом Ленина. Списки были завизированы дирекцией Института, Президиумом Академии, кураторами науки из ЦК. Но руководители Управления кадров АН СССР Косиков и Виноградов посчитали себя главнее академиков и по старой памяти вычеркнули Деборина из списка. 75-летний академик был потрясен тем, что с ним проделали. Он обратился за помощью к академикам А.М.Панкратовой и Л.А.Орбели. А.М.Панкратова и Л.А.Орбели были всецело на стороне А.М.Деборина. Старые академики очень уважали и ценили А.М.Деборина. Л.А.Орбели даже писал А.М.Панкратовой: «Следовало бы войти в Президиум АН с предложением о создании юбилейной комиссии к 75-летию А.М.Деборина. Многолетнее участие Абрама Моисеевича в руководстве Президиума, Отделения и особенно Редакционно-издательского отдела памятно его товарищам по работе и особенно нам, его друзьям, постоянно пользовавшимся его поддержкой и заботой в трудные годы войны и послевоенный период». Но реально повлиять на ситуацию А.М.Панкратова и Л.А.Орбели не могли. А.М.Панкратова написала письмо главному ученому секретарю Президиума АН СССР А.В.Топчиеву.

А.М.Панкратова – А.В.Топчиеву. 6 апреля 1955 г.

«Посылаю Вам записку академика Деборина, т. к. хотела бы поставить Вас в известность о его чрезвычайно тяжелом моральном состоянии. Он оказался вычеркнутым из списков академиков, представленных на награждение орденом Ленина за выслугу лет. Кто и почему это сделал, я не знаю. Когда я спрашивала в Отделе науки ЦК КПСС, мне сказали, что там никого не вычеркивали. В Институте истории тоже говорят, что академик Деборин был в списках. Очень прошу Вас заинтересоваться этим вопросом».

А.В.Топчиев запросил Управление кадров АН СССР. Зам. начальника Управления В.А.Виноградов представил объяснительную записку.

Зам. начальника Управления кадров АН СССР – А.В.Топчиеву. 23 апреля 1955 г.

«Представление академика Деборина к награждению орденом Ленина за выслугу лет и безупречную работу было задержано Академией наук в 1951 г. в связи с наличием данных, отрицательно характеризующих его научную деятельность: в 1949 г. освобожден от обязанностей зав. сектором за развал научной работы и неправильный подбор кадров. Научных трудов за последние годы не имеет. В 1954 и 1955 гг. Институт истории воздержался от представления Деборина к высшей награде – ордену Ленина».

А.В.Топчиеву, которого еще Сталин назначил на пост главного ученого секретаря, чтоб приструнить Академию, ближе оказались аргументы кадровиков, чем аргументы ученых. Ордена Ленина Деборин не получил. Орден Ленина имел в данном случае символическое значение. Деборин лично знал Ленина с 1904 г. и неоднократно с ним общался. Как вспоминает Е.Г.Плимак: «К Ленину академик сохранял огромный пиетет и был в этом отношении вполне искренен, он считал его выдающимся философом – в отличие от прославляемого Сталина». Митин и компания были наняты, чтобы прославить Сталина, отодвинув в его тень Ленина, но в качестве идеологической отмычки использовали эвфемизм «ленинский этап». Дубиной «партийности» и наступившего «ленинского этапа» они побивали Деборина и других советских марксистов. О том, насколько этот этап был «ленинским», свидетельствует следующий факт. В учебнике «Диалектический и исторический материализм», вышедшем в 1933 г. под редакцией Митина, в параграфе «Ленинизм –

новая и высшая ступень в развитии марксизма» нет ни одной ссылки на произведения Ленина, а из сделанных авторами шести ссылок все шесть приходится на работы Сталина. Для сталинистов вообще было немислимо, чтобы А.М.Деборин получил орден Ленина. Сам факт награждения А.М.Деборина орденом Ленина раскрывал бы совершенный идеологический подлог. Поэтому в двух других случаях, когда решался вопрос о награждении академика А.М.Деборина орденом – в 1945 г. и в 1961 г., – оба раза он представлялся к ордену Ленина и оба раза награда была «снижена» до ордена Трудового Красного Знамени.

В 1955–1956 гг. новый вариант рукописи А.М.Деборина о социально-политических учениях Нового времени был отдан на ознакомление сотрудникам Института истории и Института философии (Т.И.Ойзерман, Е.Ф.Помогаева, Г.Л.Епископосов, М.В.Белов, А.И.Демиденко, Ж.Туленов, И.С.Нарский, А.И.Тер-Захарян, О.Н.Трубицын, М.М.Мороз, А.Г.Спиркин) и получил по большей части отрицательные рецензии. Иного нельзя было ожидать, если сопоставить знание иностранных языков и европейскую образованность автора и научный уровень основной массы тогдашних сотрудников этих Институтков. Последнее утверждение требовало бы особого обоснования, но если дотошный читатель обратится к темам диссертаций некоторых авторов рецензий⁷, то найдет, например, такие: «Партия Ленина–Сталина – руководящая и направляющая сила советского общества», «Функция советского государства по охране социалистической собственности в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму», «“Атомная социология” – идеологическое оружие американского империализма», «Современный англо-саксонский расизм на службе британской колониальной империи», «Социальные преобразования в деревне в условиях развитого социализма». И эти темы были еще не самыми нефилософскими.

Заслуживает внимания только отзыв М.М.Морова и А.Г.Спиркина, в котором правда о том, что случилось с А.М.Дебориным, была высказана без обиняков: «Прежде всего, необходимо внести ясность в вопрос о так называемом “меньшевистствующем идеализме”. Как известно, главным обвинением Деборина и его учеников было утверждение об игнорировании ими ленинского этапа в развитии марксистской философии. Между тем фактически об игнорировании Дебориным значения Ленина как философа не может быть и речи; Дебориным не признавалось философское значение трудов не Ленина, а Сталина. Не кто иной, как Деборин, первый в истории марксистской литературы написал и опубликовал труд “Ленин как мыслитель”, который был переведен на многие языки и издан в различных странах. Не кто иной, как Деборин, выполняя прямые указания Ленина, организовал и возглавил Общество материалистов-диалектиков. Но Деборин не написал ни одной статьи или книги, восхваляющей философский гений Сталина. Деборина обвинили в том, что он игнорировал Ленина, а книгу Деборина о Ленине с советского книжного рынка изъяли. В течение почти четверти века Деборин находился в опале, но он ни разу не поступился своей научной принципиальностью, чтобы снискать благоволение Сталина. С этого времени, по сути дела, и начался культ личности Сталина в философском отношении, на дрожжах которого пошли в гору Митин, Каммари и другие. Весьма характерно, что в самих этих выступлениях против “меньшевистствующего идеализма” говорилось не

⁷ См.: Диссертации, защищенные в Институте философии АН СССР (1939–1980 гг.): Библиогр. Указ. / Сост.: Л.С.Давыдова, И.И.Стрекаловская; Отв. ред. В.А.Лекторский. М., 1983.

столько о Ленине, сколько о Сталине. Так называемые защитники ленинского этапа в философии за четверть века не написали ни одной серьезной работы, специально посвященной Ленину, но зато успешно опубликовали великое множество трескучих и бессодержательных восхвалений Сталина. С разгромом группы Деборина наступила полоса безотраднo серой, начетнической литературы в нашей философии. Ссылки на авторитет Сталина превратились в единственное доказательство истины».

XX съезд КПСС, официальное разоблачение культа личности Сталина открыли А.М.Деборину возможность прямо потребовать своей научной и общественной реабилитации и отмены постановления ЦК 1931 г. В своем третьем письме в Президиум ЦК КПСС А.М.Деборин полностью отбросил вынужденную до сих пор ритуальную фразу о своих «крупнейших ошибках в области философии», якобы допущенных им «по линии меньшевистствующего идеализма», и назвал все вещи своими именами. В качестве причины многолетних преследований его и его учеников он назвал защиту ими идей Гегеля, Маркса и Ленина и противодействие сталинизации философии.

А.М.Деборин – Президиуму ЦК КПСС. 12 октября 1956 г.

«В третьей книге журнала “Под знаменем марксизма” за 1922 г. была напечатана знаменитая статья Ленина под названием “О значении воинствующего материализма”, в которой была изложена программа только что основанного журнала и которая стала именоваться философским завещанием Ленина. Владимир Ильич рекомендовал редакции журнала совместно с его сотрудниками образовать Общество материалистических друзей гегелевской диалектики в целях пропаганды и переработки гегелевской диалектики в материалистическом духе. Во исполнение воли Ленина редакция журнала и создала Общество воинствующих материалистов-диалектиков, которое вело весьма активную и успешную деятельность не только в Москве, но и в ряде городов, где имелись отделения Общества. Основная задача Общества состояла в пропаганде марксизма-ленинизма, в снабжении наших кадров научной литературой в области философии марксизма.

В начале двадцатых годов мы были очень бедны марксистской литературой, и в особенности учебной литературой. Для восполнения этого пробела мною была организована “Библиотека материализма” (было издано десять томов английских, французских и немецких классиков материализма) и “Библиотека атеизма”, а также моя “Книга для чтения по истории философии” в двух томах и по прямому указанию Ленина переиздано мое “Введение в философию диалектического материализма”.

В конце 1930 года началась критика Общества воинствующих материалистов-диалектиков: обвинение меня в недооценке Ленина, “гегельянстве”, идеализме и пр. В то же время ко мне на квартиру явились М.Б.Митин и П.Ф.Юдин, которые передали мне ультиматум публично отмежеваться от членов Общества, разоблачить их как врагов народа и признать Сталина корифеем философской науки. Ультиматум был мною отвергнут.

Как ясно теперь из доклада Н.С.Хрущева и из выступлений членов Президиума ЦК на XX съезде партии, вся эта критика сводилась фактически к утверждению культа личности.

25 января 1931 г. было принято по предложению Сталина постановление ЦК о журнале “Под знаменем марксизма” с квалификацией членов Общества как “меньшевистствующих идеалистов”. Через короткое время большая группа молодых талантливых работников, пламенных ленинцев была арестована и сурово наказана.

Что касается меня, то я был снят со всех постов, было запрещено печатать мои работы и последовало распоряжение об изъятии всех моих трудов из обращения, в том числе и книги “Введение в философию диалектического материализма”, переизданной по прямому распоряжению Ленина. Книга выдержала до 1931 г. пять изданий.

Обвинение в “меньшевиствующем идеализме” является необоснованным вымыслом, которое никем никогда не было доказано, да и не может быть доказано не только потому, что я являлся и являюсь убежденным марксистом-ленинцем, в чем легко убедиться, ознакомившись с моими работами, но также и потому, что сам термин “меньшевиствующий идеализм” является плодом механического соединения двух одиозных понятий, и смысл его так и не был никем объяснен.

После ликвидации Общества воинствующих материалистов ничего серьезного взамен создано не было.

Выключенный из научных учреждений, я тем не менее продолжал свою научную работу. За эти годы я вчерне закончил пятитомный труд “Социально-политические доктрины нового и новейшего времени”. Цель этой работы – раскрыть историческое подготавливание марксизма, его развитие и неизбежность победы коммунизма во всем мире. Последний завершающий том посвящен ленинизму.

С 1948 г. у меня на письменном столе лежит уже набранная в типографии работа “Идеология германского империализма”, которая была утверждена к печати РИСО Академии наук, набрана, сверстана и в последний момент по чьему-то произволу снята с производства без всякого объяснения причин.

Кроме указанных работ, я написал труд “Ленин и материалистическая диалектика”, в котором я пытаюсь раскрыть истинное величие Ленина как мыслителя, показывая вместе с тем, что Ленин представляет собою вершину философской науки. Положив в основу истории мысли ленинское учение о кругах, я показываю, что Ленин замыкает и завершает круг: Гегель – Фейербах – Маркс – Энгельс – Ленин.

Таким образом, за эти годы мною написано не менее 300 авторских листов научных работ в области марксизма-ленинизма, которые так и не увидели свет.

Начиная с 1953 г. я добивался разрешения напечатать мои работы. Но я не только не мог добиться, а со мною сыграли совершенно недопустимую “шутку”. Было объявлено на академическом активе, будто Деборин вообще не работает теоретически. И это было сказано в то время, когда я представил в Институт истории три тома моей монографии. Один том затребовал Отдел науки ЦК два года тому назад, и он продолжает там лежать до сих пор; другой том “пропал” в Институте философии. В целях дискредитации меня 20 марта 1953 г. на заседании Президиума Академии наук в докладе директора Института истории было вновь безответственно объявлено, что Деборин не дает продукции. Одновременно им было сказано и в проекте постановления Президиума АН зафиксировано, что я будто привлекался к судебной ответственности за антисоветскую деятельность. Только после моего энергичного протеста эта клевета была снята. Таким образом, мои труды лежат уже более четырех лет замороженными.

Было все сделано, чтобы меня морально уничтожить. Мое имя исключили из БСЭ, меня исключили из членов ученых советов Института философии и Института истории.

Недавно мне исполнилось 75 лет и 50 лет моей научной деятельности. Я продолжаю надеяться, что еще при своей жизни увижу напечатанными мои работы последних лет, а мое имя – очищенным от ярлыка меньшевиствующего идеалиста.

Обращаюсь к Вам, многоуважаемые товарищи, с просьбой снять с меня клеймо меньшевиствующего идеалиста, снять запрет с моих сочинений, из которых многие было бы и сейчас полезно переиздать, напечатать мои труды последних лет, восстановить меня в правах члена ученых советов Института истории и Института философии.

А.Деборин».

Третье письмо А.М.Деборина, наконец, возымело действие. Старого академика было поручено принять не чиновнику из Отдела науки, а ближайшему соратнику Н.С.Хрущева А.И.Микояну.

Вспоминает А.М.Некрнич:

«Я прекрасно помню все эти дни волнений перед тем, как Абрам Моисеевич должен был поехать на встречу с Микояном в Кремль. Он очень волновался – ведь речь шла о всей его жизни ученого. Деборин жил в доме Академии наук по Ленин-

скому проспекту, д. 13. Ехать в Кремль нужно было, минуя Октябрьскую площадь, и затем по улице Димитрова. Когда машина проезжала площадь, она внезапно испортилась. До назначенного времени оставалось буквально 7–8 минут, но тут на помощь пришла милиция, и Абрам Моисеевич попал на свидание к Микояну вовремя.

Вернулся он чрезвычайно возбужденный, но довольный. Он рассказал, что Микоян принял его по-дружески и все расспрашивал, что такое «меньшевистствующий идеализм». «Я, – смеялся Деборин, – сказал Анастасу Ивановичу, что вот уже 25 лет стараюсь понять, что это такое, да так и не понял». Микоян качал головой, смеялся и обещал, что поддержит просьбу Деборина о снятии с него этого нелепого обвинения. Деборин был окрылен. Но дело повернулось далеко не так, как того ожидали.

18 октября 1956 г. А.И.Микоян внес в Президиум ЦК КПСС проект постановления «Об академике Деборине А.М.». Микоян не решился включить в проект пункт об отмене постановления ЦК 1931 г. о меньшевистствующем идеализме. Он предлагал лишь ряд послаблений лично А.М.Деборину. В частности, предлагалось восстановить его в правах члена ученых советов Института истории и Института философии, дать разрешение на издание сборника избранных работ Деборина и вернуть из спецхранов библиотек его книги.

Все, кто был причастен к репрессиям в отношении советских философов, с большой заинтересованностью следили за исходом поездки А.М.Деборина в ЦК КПСС. Перед глазами был пример того, что недавно случилось с палачами в красивых мундирах МГБ. Главных расстреляли, а большую группу остальных исключили из партии, лишили орденов и званий и, главное – генеральских пенсий. Военного прокурора, который вел «ленинградское дело», Н.С.Хрущев вообще разжаловал в рядовые. Сотням привыкших к комфорту партийных философов было чего бояться.

Вот лишь один пример. А.П.Гагарин, хотя и в ерническом тоне, делился опасениями с М.Б.Митиным⁸.

А.П.Гагарин – М.Б.Митину. 5 ноября 1956 г.

«Как Вы, очевидно, знаете, старик Деборин специально “плакался” у тов. Микояна за то, что вот ему навязали незаслуженно кличку меньшевистствующего идеалиста, а он ни душой, ни телом неповинен во всех философских извращениях, какие ему приписывали. Я же считаю, что при всех ошибках, относящихся к культу личности Сталина, борьба против меньшевистствующего идеализма является вкладом в историю советской философии в борьбе за ленинский этап».

А.П.Гагарину, как и многим, было чего опасаться в своем прошлом. В 1937 г. он был деканом философского факультета МИФЛИ. В докладах и выступлениях он предъявлял политические обвинения преподавателям факультета, подводя их к исключению из партии, увольнению с работы и аресту по «расстрельным» статьям о терроризме. В 1937 г. в первом томе «Ученых записок» МИФЛИ А.П.Гагарин выступил со статьей о положении дел на факультете, в которой, по существу, была обоснована программа репрессий в отношении советских философов вообще и преподавателей факультета в частности. В первую очередь досталось деборинцам. «Меньшевистствующий идеализм, – писал Гагарин, – был в рядах партии агентурой контрреволюционного троцкизма: целый ряд изменников Родины, подлых террористов и предателей, окапывался за оградой меньшевистствующего идеализма»⁹. Гагарин пошел даже дальше этой стандартной для 1937 г. обвинительной формулы, заявив, что деборинская школа – «меньшевистствующий идеализм» – была «тем каналом, по которому просачивались» в советскую философию

⁸ Архив РАН. Фонд 1992. Оп. 1. Д. 385.

⁹ Гагарин А.П. На философском факультете МИФЛИ // Тр. Моск. ин-та истории, философии и лит. им. Н.Г.Чернышевского. Т. 1. М., 1937. С. 266.

фашистские течения. Выдающиеся советские философы оказывались не только вредителями и террористами, но и изменниками и агентами гестапо. Он приветствовал в статье уже произошедшие аресты и расстрелы преподавателей факультета, после чего «вскрыл крупные политические и философские ошибки в работах Тележникова, Фурщика, Вандека, Серёжникова и др.»¹⁰. Все названные Гагариным философы после публикации статьи были арестованы. Никто из них не выжил. Работы их были запрещены.

22 ноября 1956 г. вопрос о А.М.Деборине и его требованиях обсуждался на заседании Президиума ЦК. Принятое постановление состояло из одной фразы¹¹.

Постановление Президиума ЦК КПСС «Об академике Деборине А.М.» 22 ноября 1956 г.

«Строго секретно

Ограничиться обменом мнениями по этому вопросу на заседании Президиума ЦК КПСС».

И все!

Вспоминает А.М.Некрич:

«Когда Микоян предложил отменить постановление ЦК о “меньшевиствующем идеализме”, резко против него выступил в то время еще влиятельный партийный идеолог, занимавший посты секретаря ЦК КПСС и одновременно директора Института марксизма-ленинизма П.Н.Поспелов. На заседании секретариата ЦК Поспелов воспротивился политической реабилитации Деборина, отмене решения ЦК от 1931 года, утверждая, что это повело бы к размыванию идеологического фундамента партии. При этом Поспелов опирался на довольно влиятельную когорту сталинских обществоведов, поднявшихся на разгроме Деборина и его “школки”. Среди них были Павел Юдин и Марк Митин, оба академики, оба члены ЦК КПСС, пользовавшиеся репутацией партийных интеллектуалов».

Десятки, сотни людей сделали себе в 1930-е–1940-е гг. научную и партийную карьеру на травле и уничтожении своих коллег-философов в качестве «меньшевиствующих идеалистов». Все они были повязаны кровью погибших. Теперь эти люди заседали в ЦК и Академии наук, заведовали идеологическими отделами партийных комитетов и кафедрами философии, были идеологической опорой власти. Правда о прошлом была не нужна. Ее место на долгие годы заняли мифы. Показательный факт. В 1955 г. были защищены сразу три диссертации, «научно» закреплявшие разоблачение А.М.Деборина и его школы советской философии марксизма – В МГУ, в ИПК при МГУ и в АОН при ЦК КПСС¹².

С мерами, облегчавшими существование А.М.Деборина, которые предлагал А.И.Микоян, члены Президиума ЦК согласились, но послабления эти проводились негласно, на основе устных указаний. А.М.Деборина восстановили в правах члена ученого совета Института истории и ввели в состав ученого совета Института философии АН СССР. Были возвращены в общий доступ читателей его книги. А.М.Деборин начал работать над сборником своих старых статей.

¹⁰ Гагарин А.П. На философском факультете МИФЛИ. С. 269.

¹¹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК КПСС. 1952–1958. М., 2010. С. 628.

¹² Шишкин Н.С. Борьба Коммунистической Партии Советского Союза за философские основы марксизма-ленинизма против меньшевиствующего идеализма: Дис... кандидата филос. наук. М., 1955; Шендрик Н.И. Борьба Коммунистической Партии Советского Союза против механицизма и меньшевиствующего идеализма (1920–1932 гг.): Дис... кандидата филос. наук. М., 1955; Чудинов Э.М. Разгром Коммунистической Партией Советского Союза механицизма и меньшевиствующего идеализма и его историческое значение: Дис... кандидата филос. наук. М., 1955.

Об этом периоде жизни и борьбы А.М.Деборина за свое доброе имя рассказывает в своих воспоминаниях Е.Г.Плимак, ставший после А.М.Некрича референтом академика.

Вспоминает Е.Г.Плимак:

«Я не вел никаких дневников, не записывал свои разговоры с Абрамом Моисеевичем Дебориным и вообще не могу привязать к точным хронологическим датам этапы той борьбы, которую он вел при мне за восстановление своего доброго «марксистско-ленинского» имени. Картина этой борьбы приобрела для меня ясные контуры только в последующие годы и десятилетия. Но очертить эти контуры и результат я, наверно, смогу и без хронологии, отметив главное: письмо А.М.Деборина Н.С.Хрущеву с просьбой об отмене постановления ЦК о «меньшевистствующем идеализме», беседа А.М.Деборина с А.И.Микояном, вызов А.М.Деборина к Генеральному прокурору СССР в связи с реабилитацией его учеников и соратников.

Боролся тогда академик против постановления 1931 г. и ставил (через А.И.Микояна) вопрос об его отмене. Боролся и проиграл, несмотря на поддержку Н.С.Хрущева и А.И.Микояна. Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. тогда не было отменено – для этого, видимо, не было условий в то половинчатое и противоречивое время. Но все же А.М.Деборину разрешили сначала заняться научной работой, затем – публиковать свои труды. А раз академик приступил к работе, ему по штатам Академии наук был положен референт. В качестве такового я и появился у него на квартире где-то в конце 1957 года.

Дверь академической квартиры на Ленинском проспекте мне открыл плотный, крепкого сложения, невысокого роста пожилой человек лет 75, проводивший меня в расположенный направо от входа свой кабинет. У него как-то странно было припущено одно веко, как я узнал позже – след инсульта, перенесенного в годы погрома Сталиным и его прихвостнями «меньшевистствующего идеализма». В кабинете на столе стояла портативная пишущая машинка – главное орудие производства академика – и высилась солидная стопа книг.

«Будем издавать труд о социальных учениях, – сказал Деборин, усадив меня. – Часть рукописей готова у меня, а теперь вот приходится восполнять пробелы. Вам придется читать и редактировать тексты вслед за мной. Надолго откладывать окончание работы нельзя – возраст не позволяет».

Работа моя оказалась нелегкой, учитывая гигантскую эрудицию академика и его огромную работоспособность; он весь день и часть ночи читал сочинения классиков политической мысли, а также труды о них. Писал он без каких-либо «прикидок» и «черновиков», сразу набело – и тут же передавал мне тексты, которые мне казались лишенными логики, что, очевидно, и было на самом деле. Работая ежедневно, без выходных, академик мог за пару недель «осилить» любого мыслителя – будь то Марксов, Локк, Руссо или Марат. Первый том «Социально-политических учений Нового времени», который мы собрали, освещал идеи до сорока мыслителей-политиков; вышел он год спустя после моего появления у академика (М., 1958)¹³.

Куда интереснее была параллельная работа над трудом «Философия и политика», издание которого тоже разрешили академику. Кстати, в своем письме в ЦК академик просил разрешения дать сводному труду боевое заглавие, помнится, – «В борьбе за диалектический материализм». Но это ему не разрешили, учитывая его «непартийные» прегрешения; пришлось ему ограничиться заглавием явно обывательским¹⁴. Кто заглянет в книгу «Философия и политика», тот без труда об-

¹³ Второй том вышел уже после смерти академика в 1967 г. под редакцией Э.В.Ильенкова. «Нелогичность» изложения, которую отметил Е.Г.Плимак, объясняется задачами труда: это не детальное исследование первоисточников, а их обзор в просветительских и учебных целях.

¹⁴ Позволю себе не согласиться с автором воспоминаний. А.М.Деборина как «меньшевистствующего идеалиста» постоянно обвиняли в «отрыве» философии от политики. Поэтому данное название скрыто полемично.

наружит большой пробел в сводном материале. Здесь нет ни одного выступления Деборина в защиту своего философского направления в 1929–1930 гг., когда развертывалась его полемика с Митиным, Юдиным, Ем.Ярославским и другими. На все выступления Деборина тех лет было теперь, в конце 1950-х годов (!), наложено табу; лежали они в спецхране.

При моем приходе Абрам Моисеевич давал себе передышку, обычно завязывалась беседа о прошлых временах. Академик был расположен ко мне и откровенен, но вот об избиении “меньшевиствующих идеалистов” и постановлении ЦК ВКП(б), признаться, говорил неохотно и редко, чаще обращаясь к временам дореволюционным или рассказывая о своей работе в Академии наук, где он в свое время был, если не ошибаюсь, членом Президиума. Неоднократно я слышал рассказ о встрече Деборина с Лениным, кажется, в Швейцарии. Но постепенно я приобщился все-таки и к ходу той борьбы Деборина, которую он вел за свое “доброе имя”.

О главном – своем письме Н.С.Хрущеву – академик мне ничего не говорил: оно было конфиденциальным. В разговоре со мной А.М.Деборин передал мне более точно содержание своего отказа Митину и компании. Ответ его гласил: “Я не предаю своих учеников и друзей!”. Как-то рассказал мне Деборин о только что состоявшемся своем визите к Генеральному прокурору СССР. Академика познакомили с целым “делом”, в котором он значился главой “террористического центра”, и сказали, что по этому делу после XX съезда КПСС произведена реабилитация¹⁵ всех расстрелянных соратников Деборина и его самого, которого Сталин оставил в живых!».

Никакого официального решения о научной и общественной реабилитации А.М.Деборина принято не было, не говоря уже об отмене постановления ЦК 1931 г. Это показывает, что сталинский режим после смерти Сталина в своей сущности не изменился и просуществовал далее в этом качестве вплоть до своего крушения. Члены Президиума ЦК прекрасно поняли, к чему может привести официальная реабилитация А.М.Деборина, тем более отмена постановления 1931 г.

Когда в 1965 г. на редколлегии многотомной «Истории философии» возник вопрос о включении в нее параграфа о «меньшевиствующем идеализме», М.Б.Митин выступил со страстной речью¹⁶.

Выступление М.Б.Митина на заседании редколлегии «Истории философии» 22 декабря 1965 г.

«У нас в последнее время такое мнение, что все, что относится к имени Сталина – все берется под сомнение и опровергается, а отсюда переходят к полному очернению. Тот же вопрос о меньшевиствующем идеализме. Нет оснований отказываться от этого. Постановление ЦК о меньшевиствующем идеализме – для нас, членов партии, если мы дисциплинированы, каждое партийное решение является законом. Деборин после XX съезда написал большое письмо в ЦК. Была создана комиссия, на Президиуме ЦК этот вопрос обсуждали, и было признано, что отказаться от постановления ЦК нет никаких оснований».

¹⁵ Здесь требуется уточнение. В данном случае речь идет не о реабилитации расстрелянных учеников и коллег Деборина по Институту философии, которая также проводилась и в которой Деборин принимал участие тем, что давал «положительные отзывы», необходимые для процедуры реабилитации. «Террористический центр» под «руководством» Деборина, состряпанный органами МГБ в период антисемитской кампании, включал в себя евреев – сотрудников Деборина по аппарату Президиума АН СССР. Первым фигурантом по этому «делу» проходил аспирант Института философии Владимир Моисеевич Гальперин, получивший за участие в «террористическом центре» 25 лет лагерей. Он и его товарищи также были реабилитированы. Сам же Деборин был постоянно «на крючке» у органов МГБ как глава «центра» и не был арестован только потому, что вождь из каких-то своих соображений медлил отдать соответствующую команду.

¹⁶ Архив РАН. Фонд 1992. Опись 1. Дело 83.

«Никто не позволит это сделать!», – завершил свою тираду М.Б.Митин. В шестой том «Истории философии» и третий том «Философской энциклопедии» за подписью Митина были включены статьи о «меньшевистствующем идеализме», пересказывающие в который уже раз сталинское постановление 1931 г.

Поставить под сомнение постановление 1931 г. – это значило фактически поставить под сомнение социалистический, марксистский характер всей той политики, которая проводилась в стране после установления единовластия Сталина начиная с 1927 г. Все это члены Президиума ЦК если и не понимали разумом, то чуяли «классовым чутьем». Поэтому Митин, Юдин, Константинов, Каммари, Максимов, Федосеев, Ильичев, Чагин, Иовчук, увенчанные академическими регалиями, продолжали паразитировать на советской философии еще в течение нескольких десятилетий.

Даже в период перестройки постановление ЦК о «меньшевистствующем идеализме» не было отменено. Но это уже другой вопрос: о развитости самосознания нашего философского сообщества. Постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» было отменено в 1988 г. под давлением литературной общественности, и в тот момент эта отмена имела важное символическое значение. Философы же и по сей день продолжают жить в беспамятстве об относительно недавнем прошлом, рискуя воспроизвести его вновь.

Не нарушая законов жанра, мы подведем итог нашему повествованию в документах и свидетельствах, процитировав слова участника событий тех лет.

Вспоминает Е.Г.Плимак:

«Главным в деятельности сметенной Сталиным и его прихвостнями “группы Деборина” (это была, действительно, группа единомышленников) может считаться пропаганда и утверждение в нашей стране учения Маркса, Энгельса, Ленина, его развитие в свете новейших достижений естествознания и обществоведения. Подвести итог этой работе трудно – она была прервана еще на самой начальной стадии сталинским вторжением в философию; дело свелось в конечном счете к физическому уничтожению всех “деборинцев” за исключением их “главаря” – его Сталин пощадил для работы в Академии наук.

Суть “установок” постановления ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года объективно сводилась к тому, чтобы растворить сам предмет философии в разного рода экономических, политических, тактических работах Ленина, но прежде всего Сталина, который никаким философом не был.

Поскольку надо было утвердить великим философом Сталина, который философией вообще не занимался, то решили ликвидировать философию как особую науку – она попросту отождествлялась со всем (!) политическим наследием Ленина и особенно Сталина!

Погром “меньшевистствующих идеалистов” в 1930-х годах привел к засилью в философии карьеристов-сталинцев, абсолютно неспособных к какому-либо творчеству. Где мы видим хотя бы один фундаментальный труд, созданный персональными усилиями академиков Митина, Юдина, Константинова, того же Иовчука? Погромщики так и остались погромщиками. Если марксистская философия и развивалась в СССР, то вопреки нападкам этих “руководителей” – развивалась Э.Ильенковым, М.Мамардашвили, Ю.Давыдовым, В.Келле, В.Тюхтиным, Ю.Бородаем и другими, писавшими о диалектике абстрактного и конкретного, диалектической логике, проблеме отчуждения, уточненном формационном членении исторического процесса, превращенных формах, генезисе сознания. Немалое влияние оказали молодые тогда философы на развитие исторической науки в СССР, психологии, литературы.

Но, вообще говоря, философии марксизма-ленинизма – одной из самых содержательных форм теоретического мышления в XIX–XX веках – не повезло в нашей стране. Еще не были разорваны вполне пути догматического мышления на “фило-

софском фронте”, как резко изменилась у нас вся идеологическая обстановка, появилась (после Беловежской пущи) целая когорта “демократических” философов и обществоведов (в основном “марксистов”-перевертышей); главным для них стала не корректировка, а устранение марксизма из нашего общественного сознания. О реальных проблемах погрязшей в коррупции страны, о вымирании ее населения, о гигантской пропасти нищеты и богатства, созданной “реформами”, они молчали раньше и теперь помалкивают.

Тяга к обновленному марксизму в **XXI веке вполне объяснима. Марксизм** обоживал великую мысль: гуманный “обобществленный” человек должен стать господином отношений между людьми и отношений человека с природой. Эту истину в общем-то знали и пропагандировали деборинцы. Наше время прибавило к ней властный императив – иначе гибель человеческого рода».